

Владимир АРИСТОВ

Владимир Аристов родился и живет в Москве. Окончил МФТИ, доктор физико-математических наук. Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Комментарии», «Иностранная литература», «Арион», «Воздух», «НЛО» и др. Автор пятнадцати поэтических сборников, двух романов и пьесы. Литературные премии: им. Алексея Крученых (1993), Андрея Белого (2008), «Различие» (2016). Предыдущая публикация в «Волге» – Рассказы из цикла «Жизнь незамечаемых людей» (№ 11-12, 2021).

Сфотографировал сам себя на фоне Китайской стены
На афише перед тем, как в трубочку ее свернул,
Покидая свой офис

Кажется, половину мира снял со стен, унося с собой

Побросал все в огромный
Чемодан крокодиловой кожи
Что остался в наследство
И казалось не пригодится тебе никогда

Весь багаж вместился лишь
В Yandex-Comfort
Наконец-то ты можешь позволить
Прокатиться хоть раз на нем не думая ни о чем

Через окна и стекла его
Всю вмещаю Москву наконец
И моргая сухими глазами
Запоминать навсегда родимые виды
С каждым мигом слыша лязг и скрежет затвора
Переводимого вновь на прицел внутреннего фотоаппарата

Подземная баллада

Это было настолько давно
Что сейчас в каком-то пугающе-завершенном виде всплыло
Словно хранилось годы неизменно
В подземельном музее метро

Я сбежал как всегда в рассветных рассеянных чувствах
После электрички по эскалатору вниз
И на миг задумался на средней площадке
 в раздвоении равнозначных тогда путей
 направо – луч, а прямо – кольцо
 и почти случайно выбрал кольцо

Но внизу в галерее
Прежде чем под арки скользнуть к поездам

Попал в итальянскую речь
Я узнал ее хоть не слышал достаточное количество лет

И затесался в группу туристов
В качестве волонтера
И не столько слушая гида
Сколько следил впереди на пике остроконечной итальянский флажок

Внезапно свет на секунду буквально погас
Или память меня подводит
Не может же здесь
Померкнуть свет

«Признайся», – сейчас я сказал себе, –
«Ты из хулиганских побуждений погасил в своей памяти свет
На самую малость секунды
Чтобы вызвать подземное всеобщее “Ах!”
Которого не было
Чтобы проблески катакомбные сильней оценить»

Чтобы в темноте
 прерываемой вспышками блицев
Станция предстала во всей красе
Чтобы блеснула на каждой чешуйке смальты
Чернота, переходящая в ультрамарин

Почему-то вспомнилась
«Лунная ночь на Днепре»
Но когда вновь возникнул свет
 почему-то явился
«Чумацкий шлях»
Хотя пыль и метро несовместимы

Я увидел итальянца
Отставшего как бы в сторону
От толпы соотечественников
Что с пытливым восторгом разглядывал одну мозаику

Я сказал ему на итало-англо-русском
Что здесь есть еще один, но заповедный зал,
Куда иностранцев не водят
Но если он рискнет
Я его поведу туда
Там в конце перспективы в торце
Не маленький мозаичный фас лица как здесь
Но чудо радости
Не произнесу слово «ода»
Где на стене все пляшут и поют
Безмолвно

Он почему-то поверил мне
И мы по ступеням вбок и вверх

А потом через промежуток
По подземной реке, ведущей вверх,
Поднялись в светлый означенный зал
Что представлял собой прямую мраморную перспективу

И по мере того, как мы приближались к концу ее
Я видел, как светлело его лицо
И мы видели все ясней
Город охваченный яркой радостью

Я видел, что он все понимал
Но из его быстрой речи
Уловил лишь малость, но важную, которую он хотел сказать:
«Это свет посвящен наверное празднику
“Триста лет тому...”?»
Да – меня пронзило – это точно «тому», но «кому»?
Триста лет мы глядим во тьму
или Тьмутаракань?
Триста лет «назад» или «вперед»
Мы не знаем.

Я стал что-то ему объяснять
Но понял, что мы долго стояли здесь и уже он спешит
Пытаясь не отстать от своей группы сплоченной

Я показал рукой ему влево
И мы торопливо пошли по ступеням вверх
И мраморным коридором
Вышли на знакомую лестничную площадку

Но я почему-то по инерции побежал и направил его вперед
И мы новым мраморным переходом
Прошли и попали на лестницу
По которой спустились вниз

И когда повернули влево
Увидели ту же сияющую мозаику
Со вздыбленным в городе всадником
Но она показалась мне уже немного другой

Он ко мне повернулся
Со слегка безумной улыбкой
Вежливо спросив на своем языке:
«Dov'è finalmente l'uscita qui?»

Мы опять побежали по лестнице влево и вверх
Я подумал: «Смешной человек
Спрашивает, где выход в конце концов тут?
Но выхода нет, зачем он им
Их развезут в поездах в одну или разные
стороны
по кольцу

Мимо сломанного телевизора
Хотя знал, что маску твою не пробьет
Одеколон «Идеология»
Пусть он и разит сильнее, чем «Шипр» и «В полет»

Но ты замаскировался так
Мнимо подражая природе
Что тебя не узнала родная река и ты сам

«Дора! Дора! Дора! Дора!» – звал он, как безумный,
Наверно свою потерянную собаку
Бродя по улицам пустого поселка
А встретил лишь на обочине детский сине-красно-желтый перевернутый грузовик.